

ЛЕКСИКА ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В ТЕТРАЛОГИИ ВЯЧЕСЛАВА АДАМЧИКА

Тетралогия В.Адамчика включает в себя романы “Чужая бацькаўшчына”, “Год нулявы”, “І скажа той, хто нарадзіцца”, “Голас крыві брата твайго”. События в них разворачиваются на территории Западной Белоруссии в период 30–40-х годов. Действие романов локализовано. Оно ограничено такими населенными пунктами, как Вересово, Дворчаны, Лезневичи. Вместе с тем героями произведения в силу исторических обстоятельств становятся не только крестьяне-белорусы, но и люди других национальностей. Особенности сюжета делают естественным и оправданным обращение писателя к материалу других славянских языков – польского и русского.

Ниже будет рассмотрено использование польской и русской лексики, которая не освоена белорусским литературным языком и не вошла в его словарный состав.

Включение такой лексики в прямую речь персонажей обычно мотивировано стремлением писателя правдиво изобразить реальную коммуникативную ситуацию. Чаще всего это связано с воссозданием в тексте на белорусском языке речевого облика персонажа, говорящего по-польски или по-русски. Как правило, в таких случаях автор пользуется приемом дословного цитирования польской или русской речи своих героев.

Польские фразы подаются в тексте в белорусском графическом оформлении с полным или частичным сохранением фонетических и грамматических черт польского языка, напр.: *Чы тутай мешка пані Чэслава Доўнар? – азірнуўся Міця на рып дзвэрэй* (Год нулявы). В большинстве случаев в сносках дается перевод польского текста на белорусский язык. Отдельные фразы могут не переводиться, если их значение легко понять из контекста.

Русская речь персонажей по сравнению с польской занимает меньшее место на страницах художественного текста. По-русски передается речь казаков ата-

мана Павлова, некоторых партизан. Реплики этих персонажей полностью строятся по законам русского языка и, поскольку понятны белорусскому читателю, не требуют специального толкования.

В ряде случаев введению инославянского текста могут предшествовать авторские указания, на каком языке говорит персонаж, напр.: *Нарэішце, адкашляўшыся, ён крыкнуў па-польску: – Холера! Псякрэў! Не вольно розмавяць!* (Голас крыві брата твайго); *Чэся прыедзе да цябе, – і па-польску ўжо: – На разе ешчэ не вем, а цось, еднак, хыба вымыслем* (Голас крыві брата твайго); *Открой, хозяин! Свои... – па-руску адазваліся на двары* (Голас крыві брата твайго); *Ён павітаўся непадступна-грозна і па-руску: – Здраўствуйце!* (Голас крыві брата твайго).

Отмечен в тексте и другой способ речевого представления иноязычного персонажа. Если обратиться к употреблению польской лексики, то, на наш взгляд, удачно такое ее применение, когда автор не копирует подлинную польскую речь, а дает лишь “намеки” на нее, включая в реплики своих персонажей, написанные в основе своей по-белорусски, отдельные польские слова. Такая речь оказывается целиком понятной читателю (польские слова, как правило, переводятся в сносках) и вместе с тем сохраняет свою национальную языковую специфику. Напр.: *А зэшыт астанецца ў нас, для гісторыі* (Чужая бацькаўшчына); *Ой, не кажы, гэта я рабарбару пакаштавала* (Год нулявы); *Не смейся, я толькі пеленгярка* (Год нулявы); *Я слухаў камунікат* (Год нулявы); *Дзень добры, жолнеж!* (Голас крыві брата твайго).

Подобное стилистическое использование польской лексики может удачно сочетаться с ее семантизацией. Для этих случаев характерно употребление в одном предложении или близлежащем контексте польского слова и его белорусского синонимического соответствия. Так, например, объяснение польского слова может даваться непосредственно самим персонажем, когда белорусский эквивалент употребляется им с поправкой на восприятие собеседника (персонажа-белоруса), ср.: *То веши. Ну, дзіка свіня* (Год нулявы); *Унікат, рэдкасць, браце* (Год нулявы). Двухязычный параллелизм наименований может быть структурно обусловлен диалогической формой речи между польским и белорусским персонажами. Напр.: *– Цябе яшчэ не збадаў лекаж? – А нашто доктар? – апусціла рукі Хрысця* (Год нулявы).

Возникновение польско-белорусских лексических параллелей может обуславливаться также прямой речью персонажа и авторским текстом, напр.: *Тэку сваю, тэку не пакідайце, – крыкнуў услед яму гаспадар магазіна і паказаў на тонкі парусінавы партфель з прыробренай вераўчанай ручкай* (Год нулявы).

Создавая речевые характеристики персонажей, автор обращает внимание читателя и на те конкретные социально-исторические обстоятельства, в которых живут и действуют его герои, напр.: *...бо ў Верасаве, як ува ўсіх тутэйшых вёсках, праваслаўныя, што называлі сябе рускімі, змяшаліся з католікамі, што ўжо лічыліся паякамі...* (Голас крыві брата твайго). Подобного рода замечания делают уместным и правдоподобным с точки зрения речевой реальности появление лексических полонизмов в репликах персонажей-белорусов, напр.: *Ого, з такім ценжарам далёка не ўцячэш* (Чужая бацькаўшчына); *О, недалэнга!* (Чужая бацькаўшчына); *Франусь! Прачытаў бы нам што-небудзь са свае ксёнжскі!* (Чужая бацькаўшчына); *Я кавалер гжэчны* (Чужая бацькаўшчына);

Як і ты – у касцёле хрышчаны. Ды і назвіска маё польскае – Ваўчок (Чужая бацькаўшчына); Мы рэзервісты... павінны з 'явіцца сюды з сіняй карткай урляповай (Год нулявы); Шараговы 79–га Слонімскага пяхотнага палка... (Год нулявы); З'ясі потым упоцёмку пад коцам (Голас крыві брата твайго).

Что касается лексических русизмов, то они в целом не характерны для речи крестьян-белорусов. В этом смысле примечательно следующее авторское замечание, ср.: *Миця, учуўшы рускую гутарку, яшчэ раз азірнуўся на дзядка і ўсміхнуўся, усамінаючы тое даўняе, як яны дома смяяліся з Алесі, што не нарвала дварчанскай краўчысе бэзу, калі тая напрасіла прынясці “букетик сирени”. “Ці ж я ведала, што гэта бэз. Шкадаваў бы чалавек яго”, – смяялася, расказваючы пра гэта не раз, і сама Алесья (Год нулявы).*

Отмечено употребление инославянской лексики и в авторской речи. Наиболее активно по сравнению с русскими словами вводятся в авторское повествование лексические элементы польского языка. Это слова различных лексико-грамматических разрядов, преимущественно существительные, которые используются писателем как средство номинации в целях создания местного колорита, достоверного воспроизведения изображаемой действительности. Такое употребление польской лексики является тематически обусловленным, органически связанным с предметом описания. Например, спецификой объекта художественного изображения обусловлено включение польских слов в описание воскресной службы в костеле, ср.: *З закрытыі, што была з правага боку алтара, выйшаў немалады даўганосы міністрант у караткаватай комжы з шырокімі гафтаванымі рукавамі, трымаючы тоўсты, з залацістымі кантамі імішал... Прапусціўшы наперад сябе дзяцей... з закрытыі з келіхам у руцэ выйшаў... немалады ружовашчокі ксёндз. На жоўтым арнаце на ўсю свіну пераліваўся вышыты залацісты крыж... Ксёндз трымаў у руках гостыю і хрысціў яе (Год нулявы).*

Колористическую мотивированность имеют лексические полонизмы, включенные в авторское описание внешнего вида персонажа-поляка, напр.: *Грабянка, седзячы на пругкім спружывістым сядзенні, засланым старым суконным коцам у клетку, бліскаў адным ботам... на другой, толькі да калена, назе калоша вайсковых брычэсёў была складзена і прышпілена тоўстаю вялікаю шпількай (Год нулявы).*

Вводятся польские слова и в авторское описание ситуаций, связанных с жизнью и бытом определенной социальной среды или персонажа, ее представителя, напр.: *З вясёлым гоманам з лавак пачалі надыхацца гарцэжы, хватаючы свае напакаваныя і туза перацягнутыя наскамі плечакі. – Ціха! – накрываў тоненькі высокі, як быліна, хлопцз з сякеркаю пры боку – іхні “дружыновы” (Год нулявы).*

Как видно из рассмотренных примеров, колористическая окрашенность авторской речи создается польскими словами, в большинстве своем относящимися к эквивалентной лексике. Их использование в тексте определяется в первую очередь стилистическими целями. Помимо этого, среди лексических элементов польского языка, создающих заданный стилистический колорит авторского текста, отмечаются слова, употребление которых вызывается прежде всего потребностью или удобством номинации. К ним относится так называемая безэквивалентная лексика. В авторской речи она используется в основном для наименования

ния: а) официальных учреждений, напр.: *Міця збіраўся ў Дварчаны, старое, за вёрст пяць ад Верасава, мястэчка, дзе былі зміна і пастарунак* (Чужая бацькаўшчына); б) жилища, построек, напр.: *Дзевяць гектараў тлустай удобіцы, якія яшчэ прыдбаў бацька, калі распрадавалі прылуцкі фальварак, Вайтовіч аддаў...* (Голас крыві брата твайго); *...грузавік, што дрыжаў нутром за чырвона-цаглянай ксяндзоўскай плябаніі на шашы* (Голас крыві брата твайго); *За кіламетры тры ад Дварчанаў, ужо за Грабянкавай асадай...* (Голас крыві брата твайго); в) лиц различных социальных категорий, их профессий, занятий, положения в обществе; напр.: *...перабіў сольска Марцін Ваўчок* (Год нулявы); *...быў чуваць хрыплаваты голас плютановага Нядбалы* (Год нулявы); *...уціснуўся ў шарэнгу ўжо выстраеных жаўнераў* (Год нулявы); *І яе, мусіць, даўно прымеціла гэтая старэнькая тэрыцярка ў крэпавай доўгай сукенцы* (Год нулявы).

Как правило, польские слова в авторской речи формально не маркируются. В ряде случаев такое словоупотребление выделяется – берется в кавычки. Это демонстрирует осознанность использования польской лексики, позволяет автору отмежеваться от употребления польского слова, подчеркнуть тем самым его использование в определенных стилистических целях. Напр.: *...зачытаў “росказ” войта* (Чужая бацькаўшчына); *...і прысядалі на ваганетыцы дварчанскія “каляяжы”* (Год нулявы). Иногда подобное употребление польского слова может дополняться его семантизацией непосредственно в авторском тексте, напр.: *Дарогаю снавалі “ценжароўкі” – крытыя нямецкія грузавікі* (Год нулявы); *З катла пахла “грохувкай” – развараным гароховым супам* (Год нулявы).

Примеры употребления русской лексики в авторской речи в целом немногочисленны. В основном в речь автора лексические русизмы включаются как элементы чужого словоупотребления. Как правило, это средства, отражающие речевые навыки персонажей. Они вводятся в авторский текст традиционно, как “осколки” высказываний персонажей. Такое употребление так или иначе маркируется (обычно берется в кавычки), отделяясь таким образом от слов, относящихся к словоупотреблению повествователя, ср.: *...бомбы адна за адною паляцелі туды, куды разам з вартаў пабеглі “заклучоныя”* (Голас крыві брата твайго); *...стаяў Літвінюк, што за польскім часам выдаваў сябе за католіка, а цяпер пры немцах... штонядзелі спяшаў у царкву на “заўтреннюю”* (Голас крыві брата твайго); *Адны, злосна ды помсліва падсмейваючыся, казалі, што ён спазнаўся там з “васточніцай”* (Голас крыві брата твайго).

Проведенный функционально-стилистический анализ показывает, что использование лексики польского и русского языков помогло писателю реалистически воспроизвести действительность, создать социально-бытовой и языковой колорит изображаемого исторического периода, индивидуализировать и типизировать речь своих героев. В целом такое употребление пополняет, делает более разнообразным арсенал стилистических средств художественной речи, свидетельствует о живых процессах взаимодействия языков разных народов.